

VI Июльское восстание: кульминация и крах

Петроград утром 4 июля

Уже на рассвете того теплого, но дождливого дня рабочие кварталы Петрограда оживленно готовились возобновить уличные демонстрации, начавшиеся накануне вечером. В торговых районах города патрулировали грузовики с вооруженными мятежниками и броневики, которые нагоняли страх на своих истинных и мнимых врагов. Когда стало ясно, что демонстрации будут продолжены, большинство открывшихся было банков и магазинов поспешно закрыли двери. Заводы и фабрики не работали — рабочие вышли на улицы или разошлись по домам, а к 10 часам утра остановились даже трамваи ¹. Обычная жизнь продолжалась лишь в переполненных ранеными городских больницах, которые ожидали поступления новых жертв. Врачи были приведены в состояние готовности, в частных домах на Невском и Литейном проспектах были развернуты медицинские пункты, а машинам «скорой помощи» было приказано курсировать по улицам ².

В особняке Кшесинской оперативный штаб Военной организации всю ночь разрабатывал планы и инструкции для проведения демонстрации ³. Несмотря на то что этот аспект июльской демонстрации документирован весьма скудно, есть основания полагать, что, по-видимому, Военная организация в своих замыслах не исключала возможности свержения Временного правительства ⁴. Утром непрекращающимся потоком на автомобилях и грузовиках к особняку устремились вооруженные представители рабочих и солдат для получения указаний. Конечным пунктом демонстрации должен был снова стать Таврический дворец, а от всех заводов и частей предстояло выбрать делегатов для вручения ЦИК требования «Вся власть Советам!».

В то время как партийные работники из городских районов собирались у особняка Кшесинской, на заводах и в казармах по всему Петрограду и в пригородах большевистские агитаторы вели борьбу с представителями меньшевистско-эсеровского Совета за поддержку рабочих и солдат. Реакция на призывы большевиков поддержать демонстрацию была неоднозначной. С одной стороны, на заводах пока преобладали воинственные настроения, и участие 176-го и 171-го пехотных полков из Красного Села, 3-го пехотного запасного полка из Петергофа, 3-го батальона 1-го пулеметного полка из Ораниенбаума и матросов Кронштадта казалось гарантированным, однако в то же время в Военную организацию поступали донесения, что обстановка в Петроградском гарнизоне не так однозначна ⁵. Очевидно, в менее революционно настроенных полках эксцессы, кровопролитие и неудачи предыдущего вечера в определенной степени отрезвили людей, и некоторые части, накануне шедшие в колоннах демонстрантов, сомневались в разумности повторного выхода на улицы ⁶. Более того, полки Петроградского гарнизона, не откликнувшись на призывы 1-го пулеметного полка, по-прежнему наотрез отказывались принять участие в восстании.

Таким образом, утром 4 июля налицо были признаки того, что революционная волна уже достигла своего гребня. Однако для лидеров партий, имевших в Совете большинство, это, вероятно, было слабым утешением, потому что по всем признакам огромное число рабочих, матросов и солдат (по современным оценкам, в демонстрации 4 июля участвовало до полумиллиона человек) было готово последовать за большевиками. Не менее важен и тот факт, что гарнизон практически не проявлял желания выступить на стороне Совета (не говоря уже о Временном правительстве).

В. С. Войтинский описывает абсолютно беспомощные попытки ЦИК привлечь на свою сторону воинские части Петроградского гарнизона для защиты Таврического дворца и восстановления порядка в городе. Он делает вывод, что «оборонять дворец было нечем. С трудом удалось сохранить наружные наряды да наладить патрули, которые держали нас в курсе того, что происходило в ближайших кварталах» ⁷. Просьбы о выделении воинских подразделений были направлены в Преображенский, Семёновский и Измайловский полки. Но в ответ, по свидетельству П. Н. Милюкова, все они заявили о нейтралитете ⁸.

И все же если положение Совета было плохим, то положение Временного правительства было во много раз хуже. Его роль была фактически сведена на нет. Даже некоторые полки и заводы, обязавшиеся подчиниться запрету ЦИК на демонстрации, тем не менее приняли резолюции с призывом о передаче всей власти Совету. Нейтралитет, объявленный такими частями, как Семеновский, Преображенский и Измайловский полки, относился к взаимоотношениям между ЦИК и большевистской оппозицией, пояснял В. С. Войтинский. О Временном правительстве «действительно забыли или, точнее, считали, что его уже не существует, и спорили лишь о том, какая власть должна прийти на смену»⁹. В ключевые моменты июльского кризиса министры несоциалистической ориентации группировались вокруг генерала Половцева в Генеральном штабе, находившемся неподалеку от Дворцовой площади, однако никто из них, за исключением министра юстиции П. Н. Переверзева¹⁰, не был в состоянии влиять на ход событий.

Еще вечером 3 июля и на следующее утро командование Петроградского военного округа предприняло безуспешную попытку вывести против мятежных воинских частей полки гарнизона, не принимавшие участия в демонстрации. Итак, утром 4 июля в распоряжении генерала Половцева было несколько казачьих частей, получивших приказ осуществлять караульное патрулирование, и некоторое число раненых с фронта, которые были задействованы для охраны Зимнего дворца и Генерального штаба. Относительно скудное подкрепление ожидалось из пригородов, но эти части не могли прибыть в город до наступления темноты¹¹. Таким образом, по практическим соображениям приказ Половцева Петроградскому гарнизону о разоружении мятежных рабочих и солдат¹², изданный в полдень 4 июля и опубликованный 5 июля, пока оставался только на бумаге.

Следует заметить, что одновременно с переговорами между представителями ЦИК и Петроградского ВО, с одной стороны, и полками Петроградского гарнизона — с другой, Временное правительство и Совет вышли на связь со штабом 5-й армии, находившимся на Северном фронте в Двинске¹³. Уже поздно вечером 3 июля председатель комитета 5-й армии А. А. Виленкин и командующий 5-й армией генерал Данилов начали формирование мощной смешанной ударной группы для отправки в столицу на случай получения соответствующего запро-

са от Совета ¹⁴. Утром 4 июля к этим приготовлениям подключился только что назначенный комиссаром Северного фронта В. Б. Станкевич ¹⁵. Однако, несмотря на серьезность ситуации, возможно, из боязни пойти на шаг, способный ослабить фронт, а частично из гордости, лидеры советского большинства не отваживались отдать приказ о переброске лояльных войск с фронта в столицу ¹⁶.

Такова вкратце была ситуация в столице, когда в 10.20 утра в Таврический дворец поступило сообщение о том, что в Петергофе замечена флотилия судов и барж, направляющихся из Кронштадта в Петроград. Но прежде чем рассмотреть этот вопрос, а также перейти непосредственно к демонстрации 4 июля, необходимо сказать несколько слов о появлении в Петрограде Ленина.

Возвращение Ленина

Примерно в 6 часов утра 4 июля большевик М. А. Савельев, направленный ЦК за В. И. Лениным, нашел его на даче В. Д. Бонч-Бруевича вблизи финской деревни Нейвола. Глубоко встревоженный известием Савельева о восстании в Петрограде, Ленин спешно собрался, чтобы ехать в столицу. «Не начало ли это серьезных действий?» — спросил Савельев. Ленин якобы ответил, что «это было бы совершенно несвоевременно» ¹⁷.

В любом случае времени для раздумий не было, и Ленин в сопровождении своей сестры Марии Ильиничны, Савельева и Бонч-Бруевича сел на поезд, отправлявшийся в Петроград в 6.45 утра ¹⁸. Укрывшись за утренними газетами, чтобы не быть узнанным, он жадно проглотил первые сообщения о кровавых уличных шествиях предыдущего вечера. Как вспоминает Бонч-Бруевич, в тот момент его больше заботил не сам факт выхода масс на улицы, а враждебность всех утренних газет по отношению к большевикам ¹⁹. Савельев запомнил, что во время этого полного тревоги путешествия Ленин был погружен в свои мысли и говорил очень мало ²⁰. Примерно в 11.00 поезд прибыл на Финляндский вокзал, около которого уже собирались толпы вооруженных рабочих Выборгского района для нового похода на Таврический дворец. От Финляндского вокзала до особняка Кшесинской не очень далеко, поэтому, несмотря на переполнявшие улицы колонны солдат и рабочих, Ленин вскоре уже был на своем командном пункте, где бушевали страсти, но было вполне безопасно.

Кронштадтцы прибывают в Петроград

В документах ЦИК есть запись: «10.20 утра прибыли Ораниенбаумские пулеметчики с пулеметами. В это время нам сообщили, что мимо Петергофа проехали кронштадтцы на 8 буксирах, в 2 баржах, в 3 траулерах, в 3 канонерках и в одном миноносце. Нам передают, что все матросы были вооружены»²¹. Несмотря на то что безымянный информатор из Петергофа явно не заметил некоторое количество пассажирских паромов, по сути сообщение было верным. Появление этой одной из самых разношерстных в истории флотилий (по иронии судьбы ею командовал будущий «красный адмирал флота» Ф. Ф. Раскольников) было вызвано тем, что утром 4 июля во всем кронштадтском порту находился только один мало-мальски серьезный военный корабль, да и тот был поврежден и не мог отойти от причала²². Итак, чтобы наконец осуществить свое долгожданное массированное наступление на Петроград, примерно 10 тысяч матросов и рабочих²³ захватили все военные корабли и гражданские суда, способные взять на борт хотя бы несколько пассажиров. Кронштадтцы имели при себе, как минимум, 60 тысяч винтовочных и 500 револьверных патронов, санитарную команду с носилками и военный оркестр²⁴.

Около устья Невы к «кронштадтской флотилии» на буксире приблизился представитель Исполкома Петроградского Совета. Он тщетно пытался объяснить, что моряков никто не вызывал, и настаивал на их возвращении. Флотилия даже не замедлила хода и вскоре уже швартовалась у Николаевской и Университетской набережных вблизи Николаевского моста. Матросы были восторженно встречены толпами рабочих с василеостровских заводов, направлявшихся к Таврическому дворцу. Находившиеся там агитаторы (среди них был и неутомимый Блейхман) призывали матросов к свержению Временного правительства. Некоторые рабочие, помня о снайперах, стрелявших по ним накануне вечером, велели любопытным студентам и профессорам университета закрыть окна. Прибывших матросов интересовало, все ли воинские части Петрограда участвовали во вчерашней демонстрации. В свою очередь рабочие спрашивали, зачем они прибыли, и слышали в ответ: «Товарищи вызвали, пришли помочь сделать в Петрограде порядок, так как буржуи здесь слишком разошлись»²⁵.

Швартовка и высадка заняли больше часа. Тем време-

нем стал накрапывать дождь. Тогда же Раскольников и Рошаль получили инструкции от Любовича и Флеровского²⁶. Вместо того чтобы идти прямо к Таврическому дворцу, матросам предстояло направиться к особняку Кшесинской, чтобы соединиться с другими частями²⁷ и, вероятно, чтобы увидеть Ленина. Можно предположить, что это было сделано также для того, чтобы и Ленин своими глазами мог посмотреть на матросов. Как бы то ни было, изменение маршрута вызвало нешуточные разногласия между большевиками и представителями других партий, возглавлявшими это шествие, особенно после того, как Раскольников пропустил мимо ушей просьбу Марии Спиридоновой — лидера левых эсеров — обратиться к матросам²⁸. В это же время ЦИК спешно направил на набережную новую группу своих представителей, призывы которых, однако, не возымели действия²⁹. Оставив их и Марию Спиридонову позади, огромная процессия тронулась в путь.

Маршрут ее пролегал по Университетской набережной, через Биржевой мост на Петроградскую сторону, затем через Александровский парк к особняку Кшесинской. Флеровский вспоминает, что знамен было не очень много, а оркестр почти не играл. «Не было легкого, радостного оживления, обычного спутника наших демонстраций,— печать серьезной сосредоточенности лежала на черных матросских колоннах,— пишет он.— «За власть Советов!» — заставить соглашателей подчиниться народной воле, разорвать с буржуазией... А как это будет — никто ясно не представлял, и эта неясность создавала настроение тревоги»³⁰.

Матросы остановились у особняка Кшесинской, вокруг которого уже собрались толпы рабочих, отдельные группы солдат (полков в полном составе не было) и несколько броневигов. С балкона третьего этажа несколько женщин уже выступили в поддержку ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета и Военной организации, а В. И. Невский, Я. М. Свердлов и А. В. Луначарский раздавали распоряжения прибывавшим участникам марша³¹. Пока Свердлов и Луначарский произносили речи перед этим морем вооруженных рабочих, солдат и матросов, Раскольников и Флеровский прошли внутрь здания, чтобы попросить выступить Ленина. В этот момент левые эсеры из Кронштадта во главе со Смолянским и руководимые Ярчуком анархо-синдикалисты, возмущенные этими

долгими, чисто большевистскими церемониями, ушли, причем Ярчук заметил, что «они прибыли в Петроград не для митингов»³².

По свидетельству Флеровского и Подвойского, Ленин сначала отказался выступать перед собравшимися. «Я попросил Владимира Ильича выступить перед ними. Пришедшая делегация от моряков просила о том же,— читаем в мемуарах Подвойского,— но все наши просьбы Ленин отклонил, подчеркивая тем, что он против демонстрации»³³. Тем не менее в конце концов Ленин уступил, вышел на балкон и (даже по оценкам беспристрастных наблюдателей) был встречен громом оваций³⁴. Нам кажется, что, хотя раздражение Ленина по поводу выступления перед демонстрантами, по-видимому, было неподдельным, его первый отказ, вероятно, не следует понимать так, как будто в тот момент он был готов воспрепятствовать проведению шествия (в самом деле, уже после возвращения Ленина был организован целый ряд новых агитационных и мобилизационных мероприятий) или исключал возможность использования его для свержения Временного правительства. Более того, по воспоминаниям Калинина, на вопрос, означают ли уличные процессии начало захвата власти, Ленин ответил: «Посмотрим, что будет, сейчас сказать ничего нельзя!» Калинин пояснил, что этим ни в коем случае не отвергалась возможность введения полков в бой при благоприятном стечении обстоятельств или, с другой стороны, в конечном итоге отступления с наименьшими потерями³⁵.

Это было последнее публичное выступление Ленина до победы Октябрьской революции. Начав словами приветствия, он выразил уверенность, что в конце концов лозунг «Вся власть Советам!» победит, а в заключение он призвал матросов проявить сдержанность, решимость и бдительность³⁶. Матросы ожидали услышать от него совсем другое, поэтому многие были явно разочарованы. Как вспоминает один из кронштадтских большевиков, акцент Ленина на необходимости проведения мирных демонстраций был неожидан. «Не только анархисты, но и часть большевиков не представляла себе, как вооруженная колонна, жаждавшая ринуться в бой, может ограничиться мирной демонстрацией»³⁷.

Потом выступил Свердлов. Своим громким голосом он кидал клич останавливавшимся под балконом отрядам: «Требуем изгнания министров-капиталистов из правительства. Вся власть Советам!.. А если они от-

кажутся это сделать, положение делается ясным. Тогда ждите дальнейших лозунгов»³⁸. В тот момент некоторые моряки были задействованы для продолжения мобилизационной работы на заводах и в полках Петроградского гарнизона, которые пока не принимали участия в шествиях. А основная группа кронштадтских матросов, василеостровские рабочие и броневики, к которым присоединились Невский и Подвойский, начали переправляться через Неву.

Демонстрация 4 июля³⁹

Переправа рабочих Васильевского острова и матросов Кронштадта через Троицкий мост, открывающий дорогу к центру Петрограда, совпала с поступлением в Совет тревожных сообщений о том, что демонстранты собирают силы или даже уже идут по городу⁴⁰. Примерно в час дня колонны вооруженных рабочих Выборгского района в сопровождении женщин и детей, прикрываемые с флангов 1-м пулеметным полком (все еще под командованием Семашко), переправились через Неву и вскоре были на подступах к Таврическому дворцу. Через некоторое время путиловские рабочие и часть 2-го пулеметного полка объединились с рабочими Нарвского района, собравшимися у Нарвских триумфальных ворот, и во главе с командирами путиловских красногвардейцев С. Багдатовым и М. Войцеховским, следовавшими на легком бронемобиле, возобновили свой путь к Таврическому дворцу. Когда примерно 60-тысячная процессия проходила мимо церкви на углу Садовой и Апраксина переулков, снова, как будто по сигналу (на этот раз им был колокольный звон), демонстранты были осыпаны градом пуль из окон верхних этажей и с крыш. Позднее, давая показания следственной комиссии Временного правительства, Багдатов с гордостью заявил, что путиловцы быстро расправились со снайперами⁴¹. По свидетельству одного из депутатов Совета, оказавшегося вблизи перестрелки, у него на глазах были убиты 5 и ранены 27 демонстрантов⁴². Первые донесения такого рода поступили в Совет в 12.15 пополудни, а затем их поток уже почти не прекращался весь день⁴³.

Одна из наиболее серьезных стычек произошла в 3 часа дня, когда передовые формирования кронштадтской колонны находились недалеко от Таврического дворца. Основная же группа матросов растянулась по Невскому

и Литейному проспектам, где здания и витрины магазинов были украшены знаменами в поддержку Временного правительства и начала наступления на фронте. Раскольников, который шел в первом ряду демонстрантов, потом вспоминал: «При нашем появлении многие окна открывались настежь, и целые семейства богатых и породистых людей выходили на балконы своих роскошных квартир»⁴⁴. Сравнительно узкие улицы были переполнены людьми, что создавало идеальные условия для паники. «Чуть слышны отзвуки оркестра, из-за туч выглянуло солнце... и вдруг — за нами характерное стрекотанье... так-так-так... выстрелы все чаще...»⁴⁵ — писал Флеровский. По словам Ярчука, одним из первых пал знаменосец, несший черный флаг анархистов⁴⁶.

Как и вечером 3 июля, после первых же выстрелов началась паника. Матросы, настроенные более воинственно, открыли беспорядочный огонь, а остальные попадали на землю и ползком пытались укрыться в подъездах. Потери были велики, главным образом из-за неразберихи. После того как стрельба прекратилась, дома, в которых, как предполагалось, засели стрелки, были оцеплены демонстрантами, а через некоторое время на улицу пробился броневик Военной организации, обстрелявший эти здания из пулеметов⁴⁷. Группа матросов бросилась на обыск квартир верхнего этажа. Позднее газеты сообщали, что они обнаружили там пулеметы, винтовки и большое количество патронов, а несколько подозреваемых в стрельбе были убиты на месте. Основная часть матросов и рабочих в полном беспорядке продолжала двигаться к Таврическому дворцу, где их с энтузиазмом приветствовал 1-й пулеметный полк⁴⁸.

Трудно предположить, каким было бы настроение кронштадтских матросов, если бы они не попали, как они считали, в засаду, устроенную презренной буржуазией. В своих мемуарах участники демонстрации сходятся в том, что когда матросы соединились с толпами рабочих Выборгского района и солдатами 1-го пулеметного полка, осаждавшими относительно незащищенное место проведения заседаний Совета, они были более чем когда-либо полны решимости окончательно рассчитаться с Временным правительством. «Когда мы пришли к Таврическому дворцу,— докладывал Ярчук Кронштадтскому Совету спустя несколько дней,— все были настолько взбудоражены, что я подумал, что матросы пойдут на его штурм»⁴⁹. Примерно в том же духе о настрое кронштад-

тцев вспоминает и Флеровский: «...они с наслаждением бы свернули шею всем «соглашательским» вождям»⁵⁰.

Следует подчеркнуть, что если грозная позиция кронштадтцев была едина и четко определена, то среди их руководителей подобного единодушия не было⁵¹. Так, левоэсеровские и беспартийные лидеры Кронштадта рассматривали шествие исключительно как средство оказания давления на Совет с целью заставить его взять власть и склонялись к тому, чтобы разойтись, если этого не произойдет⁵². Влиятельные анархо-синдикалисты-коммунисты видели в вооруженных демонстрациях прежде всего начало восстания, которое должно было завершиться полным разгромом правительства⁵³. И наконец, промежуточную позицию между ними занимали решительные лидеры кронштадтских большевиков. Им не менее анархистов не терпелось разделаться с Временным правительством, и они, безусловно, способствовали распространению тезиса о том, что в этом и заключается конечная цель движения. Однако, как и лидеры Военной организации накануне вечером, они были парализованы нерешительностью своего ЦК⁵⁴. В этих условиях кронштадтским матросам явно не доставало эффективного руководства, и они являли собой скорее толпу, нежели армию.

Но вернемся к событиям у Таврического дворца. В то время как Раскольников во главе делегации матросов находился внутри здания, большинство кронштадтцев приняло участие в одном из наиболее сенсационных эпизодов июльского восстания — в захвате министра земледелия эсера Виктора Чернова. Этот инцидент начался, когда некоторые из наиболее возбужденных и нетерпеливых матросов потребовали встречи с министром юстиции П. Н. Переверзевым для объяснений, почему до сих пор не освобожден Анатолий Железняков, один из матросов-анархистов, арестованных во время разгрома правительства дачи Дурново. А когда стало ясно, что Переверзева нигде нет, матросы, призывая к ответу любого другого члена правительства, начали ломать ворота Таврического дворца⁵⁵.

По-видимому, не сомневаясь в даре убеждения Чернова, лидеры Совета послали его успокоить разгоряченных демонстрантов. В своем официальном заявлении следственной комиссии Временного правительства Чернов позднее сообщил, что, как только он вышел на улицу, кто-то крикнул: «Вот один из тех, кто стреляет

в народ»⁵⁶. Несколько матросов бросились обыскивать его, со всех сторон слышались требования о его аресте. Тем не менее Чернов взобрался на бочку и пытался, правда безуспешно, разъяснить позицию Совета по вопросу о правительстве. Он начал с критики кадетов, однако в ответ толпа повела себя еще более угрожающе. Ее озлобление было классически сформулировано в выкрике потрясавшего кулаками рабочего: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!»⁵⁷

На вопрос одного из членов Петербургского комитета, почему до сих пор ничего не сделано для решения вопроса о земле, министр земледелия ответил, что эта проблема только что обсуждалась. Чернов попытался пройти назад во дворец, но был окружен группой неумных задир. Позднее один свидетель признал в них матросов из радикально настроенной кронштадтской машинной школы, находившейся под контролем большевиков⁵⁸, а другой показал, что среди них были гражданские лица, многие из которых стояли под черными знаменами анархистов⁵⁹. Как бы то ни было, Чернову объявили, что он арестован, его стащили вниз и бросили в поджидавший автомобиль.

Сообщение о том, что Чернов разорван толпой, превратило в ад крошечный заседание ЦИК, где всего за несколько минут до этого было принято решение продолжать работу, несмотря на смуту за стенами дворца. Чхеидзе поспешно внес предложение, чтобы Каменев, Мартов, Стеклов и Войтинский предприняли шаги для освобождения Чернова. Но первым к автомобилю, в котором находился министр, пробился Троцкий в сопровождении Раскольниковова⁶⁰. Задержавшие Чернова матросы предложили передать пленника Раскольникову, однако тот заявил, что арест недопустим⁶¹. Оказавшийся рядом Н. Суханов описывает дальнейшие события следующим образом: «Троцкого знали, и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троцкий, взволнованный и не находивший слов в дикой обстановке, заставил слушать себя ближайšie ряды... Когда он попытался перейти собственно к Чернову, окружавшие автомобиль ряды снова забесновались.— Вы пришли объявить свою волю и показать Совету, что рабочий класс больше не хочет видеть у власти буржуазию. Но зачем мешать

своему собственному делу, зачем затемнять и путать свои позиции мелкими насилиями над отдельными случайными людьми?.. Каждый из вас доказал свою преданность революции. Каждый из вас готов сложить за нее голову. Я это знаю... Дай мне руку, товарищ! Дай руку, брат мой!..

Троцкий протягивал руку вниз, к матросу, особенно буйно выражавшему свой протест. Но тот решительно отказывался ответить тем же и отводил в сторону свою руку... Мне казалось, что матрос, не раз слышавший Троцкого в Кронштадте, сейчас действительно испытывает впечатление измены Троцкого: он помнит его прежние речи, и он растерялся, не будучи в состоянии свести концы с концами... Отпустить Чернова? Но что же надо делать? Зачем его звали?

Не зная, что делать, кронштадтцы отпустили Чернова» ⁶².

Униженный и жестоко потрясенный, вероятно, в равной степени непостоянством петроградских масс и пережитым испугом, Чернов вернулся во дворец. Придя в себя, вечером он сочинил восемь уничтожающих редакционных статей против большевиков для газеты «Дело народа», правда, дежурные редакторы в конечном итоге решили, что для одного выпуска вполне достаточно и четырех ⁶³.

Продолжение уличных беспорядков, угрожающие действия кронштадтских матросов, появление вновь колонны вооруженных путиловских рабочих, приближение к Таврическому дворцу восставших полков из пригородов и, самое главное, постоянные колебания формально верных полков Петроградского гарнизона между Временным правительством и Советами — сочетание всех этих факторов вынуждало лидеров Совета перейти к рассмотрению более решительных мер во взаимодействии с командованием Петроградского военного округа, чтобы в кратчайшие сроки положить конец демонстрациям, приобретающим все более грозный характер. Одним из наиболее важных решений был приказ о немедленной переброске войск с фронта — шаг, который Керенский назвал невыносимым во время кризиса 10 июня ⁶⁴. К вечеру 4 июля И. Г. Церетели сообщил решение Совета председателю солдатского комитета 5-й армии А. А. Виленкину, который обещал, что верные войска будут немедленно направлены и придут в Петроград не позднее 6 июля ⁶⁵.

Ответ командования Балтийского флота на аналогичную просьбу о помощи был не столь утешителен. С санкции ЦИК морское министерство неожиданно направило срочную телеграмму в штаб Балтийского флота, потребовав немедленно перебросить в Неву четыре миноносца для демонстрации силы и возможного использования против восставших частей Кронштадта. Телеграмма такого содержания была направлена помощником морского министра Б. П. Дудоровым командующему Балтийским флотом Д. Н. Вердеревскому в 19.15 4 июля. Однако Гельсингфорс находился вне района боевых действий, и спустя 15 минут Дудоров, явно опасаясь, что его первый приказ может спровоцировать выступление частей, симпатизирующих восставшим, телеграфировал Вердеревскому, что «ни один корабль без вашего на то приказания не мог идти в Кронштадт, предлагая не останавливаться даже пред потоплением такого корабля подводной лодкой» ⁶⁶.

Опасения Дудорова были небезосновательны. В самом деле, ненадежность Балтийского флота подтверждается тем, что находившийся в то время под сильным влиянием большевиков Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) имел доступ ко всем совершенно секретным шифровкам Дудорова и принуждал Вердеревского не подчиняться приказам. Заявив о своей поддержке восставших рабочих и солдат Петрограда, Центробалт принял решение направить в столицу представительную делегацию, чтобы уточнить обстановку и арестовать «контрреволюционера» Дудорова ⁶⁷. Вскоре встревоженное правительство получило ответную телеграмму Вердеревского: «Приказание исполнить не могу. Если настаиваете, укажите, кому сдать флот» ⁶⁸. В более поздней телеграмме Вердеревский добавляет: «По установившемуся порядку я единолично распоряжаюсь только оперативными действиями. Посылка миноносцев в настоящий момент есть акт политический. Все политические решения могут мною приниматься лишь в согласии с Центральным комитетом... Требуемая посылка судов в Неву внесет в флот раскол и очень ослабит его боевую мощь, а посему Центральный комитет против этой посылки, с чем я согласен» ⁶⁹.

Еще одним подтверждением атмосферы нерешительности, охватившей Таврический дворец, стала отчаянная мольба о помощи к Половцеву прислать часть его войск из пригорода. В конце концов они стали прибывать к зда-

нию Генерального штаба. «Теперь,— с явным удовольствием вспоминает Половцев,— я мог действовать в роли спасителя Совета» ⁷⁰. По-видимому, на эту роль был еще один претендент. Днем 4 июля министр юстиции П. Н. Переверзев начал предпринимать попытки остановить наступление большевиков, распространив информацию о том, что они спровоцировали июльское восстание намеренно, по приказу германского генштаба.

К вопросу о «германском шпионе»

Обвинения Ленина в сотрудничестве с германским генштабом, сыгравшие важную роль в июльские дни, впервые появились задолго до описываемых событий — эта кампания была развязана правой петроградской прессой вскоре после возвращения Ленина в Россию. Однако в пользу этих утверждений свидетельствовало только то, что Ленин был беспрепятственно пропущен через территорию Германии и что его общеизвестная цель, заключающаяся в подрыве Временного правительства и военной политики России, совпадала с устремлениями немцев. Петроградские массы были гораздо более восприимчивы к большевистским лозунгам о немедленном заключении мира и продвижении революции, чем к низкопробным слухам, распространяемым возродившимися монархистами в таких печатных органах, как «Маленькая газета» и «Живое слово», поэтому обвинения большевиков в шпионаже в пользу Германии не пользовались доверием среди широких слоев населения.

Временное правительство впервые проявило интерес к обвинениям против Ленина примерно в середине мая 1917 г. Тогда Керенскому сообщили о добровольной явке в Генеральный штаб русской армии бывшего агента царской полиции прапорщика Ермоленко, который был взят немцами в плен в начале войны и завербован для проведения прогерманской агитации в России. Сославшись на двух офицеров германского генштаба, Ермоленко заявил на допросах, что Ленин — один из многих немецких агентов, заброшенных в Россию. Он ничем не подкрепил свое заявление, и даже при очень богатом воображении его нельзя назвать надежным источником. Расследование этого дела Временным правительством, тайно проведенное еще до июльского кризиса Львовым, Керенским, Некрасовым и Терещенко, было далеко не законченным.

По-видимому, правительство располагало в тот момент следующими доказательствами: признанием Ермоленко, заявлением некоего З. Бурштейна о якобы действовавшей в Стокгольме немецкой шпионской сети во главе с германским социал-демократом Парвусом, который снабжал Ленина деньгами через членов партии большевиков Я. С. Ганецкого и М. Ю. Козловского ⁷¹, а также 29 телеграммами, которые позволяли не более чем предположить, что большевики получают денежные средства от германского правительства ⁷².

Как бы то ни было, 4 июля Переверзев, очевидно, в полной уверенности, что любое промедление будет губительно, решил предъявить имевшиеся на тот момент доказательства против Ленина нейтральным полкам Петроградского гарнизона, которые пока не желали переходить на сторону Временного правительства. Вскоре после этого Переверзев напишет в свое оправдание: «Я полагал, что обнародование этих сведений вызовет в гарнизоне настроения, которые сделают дальнейший нейтралитет невозможным. Я находился перед выбором: либо предать огласке все корни и нити этого чудовищного преступления через неопределенное время, либо незамедлительно подавить восстание, чреватое свержением правительства» ⁷³. Для начала Переверзев испытал силу имевшихся у него материалов на представителях Преображенского полка, специально вызванных в ставку Генерального штаба. По свидетельству очевидцев, они были настолько потрясены разоблачениями Переверзева, что информация была немедленно доведена до представителей других в равной степени перспективных для обработки полков. Часть этих данных (представленное Генштабом краткое изложение признаний Ермоленко и подтверждение этих фактов бывшим депутатом Государственной думы от партии большевиков Г. Алексинским и журналистом В. Панкратовым) получили редакции газет для публикации на следующий день. Все это было сделано в течение дня 4 июля без санкции издранного ЦИК, который тем временем занимался обсуждением кризиса в осажденном Таврическом дворце.

Исполкомы Советов и изменение обстановки

Объединенное заседание ИК Советов, начавшееся 4 июля в 6 часов вечера, стало одним из наиболее напряженных и критических по своему характеру собраний

с февраля по октябрь 1917 г. От его исхода зависела судьба парализованного Временного правительства. По свидетельству Войтинского, в момент открытия заседания охрану Совета от разгрома и захвата неистовавшими толпами обеспечивали 14 солдат Павловского полка и 18— броневого автомобильного дивизиона. Примерно в 9 часов вечера это крохотное подразделение было буквально сметено ворвавшимися во дворец толпами демонстрантов, которые решились на этот шаг скорее в панике, чем с намерением причинить вред собравшимся там депутатам⁷⁴. Все это сумасшедшее время сохранялось какое-то подобие порядка. Правда, пронизанные необходимостью принятия неотложных мер речи лидеров Совета постоянно прерывались выкриками и язвительными замечаниями с галерки, ревом толпы и перестрелками на улице, далекими разрывами бомб и снарядов. Спустя много часов, когда заседание наконец закончилось, войска, громогласно заявившие о своей солидарности с Советом, сменили мятежников в сквере у Таврического дворца, а Ленин и другие лидеры большевиков были заняты приготовлениями к уходу в подполье. И казалось, что большевики потерпели серьезное, может быть, решительное поражение.

Вспомним, что рано утром 4 июля с подачи большевиков были выбраны делегаты от петроградских заводов и войсковых частей, чтобы вручить ЦИК требование о передаче власти Советам. К вечеру 4 июля 90 делегатов, претендующих на изъявление воли 54 заводов и войсковых частей Петрограда, собрались в одном из небольших залов Таврического дворца для этой презентации⁷⁵. Сначала лидеры социалистического большинства отказались даже обсуждать вопрос о встрече с представителями рабочих, однако спустя некоторое время решили позволить пятерым из группы собравшихся сделать краткие заявления перед началом дебатов ЦИК. В частично опубликованном протоколе этого заседания не приводятся имена делегатов, которые в конце концов выступили перед Советом. Однако другие источники позволяют определить, что среди них были М. И. Лацис и Г. Д. Вейнберг из Выборгского районного комитета, а также представитель путиловских рабочих — вполне вероятно, Сергей Багдатыев. Наиболее характерными из этих кратких, но очень эмоциональных выступлений, сделанных с винтовками в руках, были речи второго и четвертого ораторов: «*Второй рабочий делегат*

(так в оригинале.— *А. Р.*): «Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах... На заводах нам грозит голод. Мы требуем ухода десяти министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет. Наши товарищи министры-социалисты пошли на соглашение с капиталистами, но эти капиталисты наши кровные враги. Мы требуем, чтобы немедленно была взята земля, чтобы немедленно был учрежден рабочий контроль над промышленностью, мы требуем борьбы с грозящим нам голодом!»

Четвертый представитель от рабочих: «...масса видит, что теперешнее положение страны тяжелое. Перед вами не бунт, а вполне организованное выступление. Мы требуем, чтобы вся земля перешла в руки народа. Мы требуем, чтобы были отменены все приказы, направленные против революционной армии. Мы требуем принять все меры борьбы с саботажем и локаутами промышленников и капиталистов. Необходимо установить контроль над производством. Пока соглашательская политика с буржуазией будет продолжаться, не может быть успокоения в стране. Довольно отогревать эту гадину за нашей пазухой. Сейчас, когда кадеты отказались с вами работать, мы спрашиваем вас: «С кем вы еще будете сторговываться? Мы требуем, чтобы вся власть перешла в руки Всероссийского Совета рабочих и солдатских и крестьянских депутатов. Только в этом единственный выход» ⁷⁶.

По-видимому, эти призывы не произвели сколько-нибудь значительного впечатления на лидеров социалистического большинства Совета, которые в своей массе полагали, что устремления столичных рабочих и солдат не выражают волю всего населения страны и что попытка сформировать правительство без несоциалистов под давлением толпы чревата крахом. Именно эту точку зрения высказал Церетели, выступавший от имени находившегося в большинстве эсеро-меньшевистского блока: «Нынешние обстоятельства в Петрограде делают невозможным в петроградской атмосфере выносить какие-либо новые решения... Если изменить власть, поставленную съездом, той, которую требует часть гарнизона и часть рабочих Петрограда, вся страна восприняла бы это не как выражение воли демократии, а как уступку насилию меньшинства. Единственный исход для демократии — признать Временное правительство в том составе, в котором оно осталось, носителем революционной власти. Назна-

чить чрезвычайный съезд через две недели и поставить в порядок дня съезда окончательное решение вопроса о Временном правительстве и созвать съезд в таком месте, где он мог бы работать беспрепятственно, лучше всего в Москве»⁷⁷.

В этот момент поведение толпы, находившейся на улице и чувствовавшей бесплодность своих усилий, приобрело, особенно угрожающий характер. Несколько путиловских рабочих прервали Церетели, заявив, что, если он не выйдет из дворца, они вытащат его силой. Чхеидзе объяснил, что Церетели занят докладом. Это, очевидно, удовлетворило путиловцев, и дискуссия по вопросу о правительстве продолжалась.

Среди ораторов, выступивших с критикой позиции социалистического большинства, сформулированной Церетели, были представители левой оппозиции — Стеклов, Мартов, Гриневич, Камков и Спиридонова. Часто колебавшийся Стеклов, один из беспартийных социал-демократов, связанных с газетой Горького «Новая жизнь», на этот раз заявил, что Церетели не прав, полагая, что решение вопроса о правительстве может быть отложено. «Девять десятых населения, — был убежден он, — с восторгом встретят социалистическое министерство. Может быть, большим, чем свержение дома Романовых». Мартов, всегда придерживавшийся более левых взглядов, чем эсеро-меньшевистское руководство Советов, выбрал этот момент для резкого разрыва с ним по вопросу о правительстве. Как и Стеклов, он отверг возможность отсрочки его решения на две недели, аргументируя это тем, что она может привести к гибели, а история требует, чтобы Совет взял власть в свои руки. «Здесь говорили, — сказал Мартов, — что выступающие — меньшинство в стране. Но это меньшинство проявляет большую активность и поддерживает нас. Большинство же пассивно». Выступив против созыва съезда в Москве, Мартов подчеркнул необходимость создания «власти, которая сумеет двигать дальше революцию»⁷⁸.

На самом деле даже многие из сторонников Церетели в вопросе о поддержке Временного правительства считали перенос заседаний в Москву неприемлемым. Войтинский явно принадлежал к их числу. В его мемуарах находим запись о том, что перенос заседаний из Петрограда в Москву может привести к тому, что руководящие органы (Совета) вообще откажутся от идеи пребывания в Петрограде и созыва там Учредительного собрания.

Поэтому организация пленума в Москве, по его мнению, была бы крайней мерой, трагической необходимостью и прискорбным поражением ⁷⁹. На объединенном заседании ИК меньшевик-интернационалист Гриневиц подошел к этому вопросу аналогичным образом. Он назвал «слепотой» предложение провести чрезвычайное заседание вне Петрограда и заявил, что перенос принятия решения в Москву воссоздаст ситуацию Коммуны 1871 г. и превратит Москву в новый Версаль ⁸⁰. Этот довод, несомненно, произвел впечатление, и в резолюции, в конце концов принятой ЦИК, идея о проведении пленума где-либо кроме Петрограда даже не была упомянута.

Левые эсеры Б. Камков и Мария Спиридонова также выступили за немедленную передачу всей власти Советам. Находившиеся тем временем на галерке представители рабочих и солдат внимательно наблюдали за происходящим и ждали. Наконец на голосование были поставлены три резолюции: Гоца — о поддержке Временного правительства до созыва пленума ЦИК, которая, однако, также предусматривала возможность передачи власти Советам; Мартова — призывавшая к формированию нового Временного правительства, в котором представителям Советов отводилось по крайней мере большинство; и Луначарского — с резким осуждением Временного правительства и призывом к передаче власти непосредственно в руки Советов.

Стрелки часов приближались к полуночи, кронштадтские матросы в сквере у Таврического дворца сменились путиловскими рабочими. После непродолжительной демонстрации их место, в свою очередь, заняли 176-й и 171-й пехотные запасные полки, прибывшие в пешем порядке из Красного Села, 3-й пехотный запасный полк из Петергофа, 3-й батальон 1-го пулеметного полка из Ораниенбаума и 1-й пехотный запасный полк Петроградского гарнизона во главе с Сахаровым. Мало-помалу и эти части вернулись в свои казармы: грохот артиллерийских орудий и неожиданный ливень рассеяли последних самых упорных борцов. Теперь около штаб-квартиры Совета оставались лишь несколько броневиков, угловатые силуэты которых были едва видны в потоках дождя.

В других кварталах города царила напряженная тишина. Пришвартованные корабли кронштадтской флотилии мягко покачивались на волнах вблизи Николаевского моста; большинство матросов (очевидно, по согласо-

нию с Военной организацией, большевиками Кронштадта и анархо-синдикалистами-коммунистами) разошлась по казармам Петроградского гарнизона, в Петропавловскую крепость, в особняк Кшесинской, чтобы обсушиться, поесть и отдохнуть ⁸¹. Спокойно было даже у Литейного моста, где совсем недавно, вечером, состоялось решительное сражение между возвращавшимися от Таврического дворца солдатами 1-го пехотного запасного полка, с одной стороны, и казаками Половцева и артиллеристами — с другой. В центре города на Невском и Литейном проспектах грабили магазины; то там, то здесь вспыхивали стычки с участием блуждавших групп восставших рабочих, солдат и матросов, казаков и горожан. Как вспоминает Подвойский, ситуация «начала переходить в разрозненные действия без определенных целей» ⁸².

На подходах к Выборгскому району солдаты 1-го пулеметного полка занимали спешно воздвигнутые баррикады. Около полуночи были разведены главные мосты через Неву. Несмотря на то что в руках мятежников был весь правый берег реки, это также препятствовало продвижению восставших рабочих и солдат к сердцу города, где о жестоких боях прошедшего дня напоминали только брошенное артиллерийское орудие, разбитые витрины, стреляные гильзы да трупы лошадей на мокрой мостовой.

Дебаты в Таврическом дворце все еще продолжались, хотя их исход уже не вызывал серьезных сомнений. Резолюцию Гоца поддержали меньшевик Дан, представитель крестьянской интеллигенции Кондратенко, лидер трудящихся Брамсон, эсер Сако Саакьян и представитель немногочисленной Трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковский. Против выступили Луначарский и Зиновьев. Церетели отверг требования о передаче власти Совету, заявив, что в провинции настроения коренным образом отличаются от столичных. В час ночи, когда Церетели стоял еще на трибуне, делегаты Совета были вновь повержены в ужас топотом приближающихся солдат. Дальнейшие события описаны Сухановым следующим образом: «Вдруг послышался какой-то отдаленный шум. Он становился все ближе и ближе... Уже ясно был слышен в окружающих залах мерный топот тысяч ног... В зале опять волнение. На лицах беспокойство, депутаты вскочили с мест. Что это такое? Откуда новая опасность революции?..

Но на трибуне как из-под земли вырастает Дан. Он

так переполнен торжеством, что хочет скрыть хоть часть его и придать себе несколько более спокойный, объективный, уравновешенный вид, но это ему не удается.

— Товарищи! — провозглашает он.— Успокойтесь! Никакой опасности нет! Это пришли полки, верные революции, для защиты ее полномочного органа ЦИК...

В этот момент в Екатерининском зале грянула могучая «Марсельеза». В зале энтузиазм, лица мамелюков просветлели. Торжествуя косясь в сторону, они в избытке чувств хватают друг друга за руки и в упоении, стоя с обнаженными головами, тянут «Марсельезу»⁸³.

Первым для несения службы у Таврического дворца прибыл Измайловский гвардейский полк. Вскоре к нему присоединились Преображенский и Семеновский полки — в полном боевом снаряжении и в сопровождении военных оркестров. Судя по информационным сообщениям, появление каждой воинской части вызывало прилив чувств у лидеров Совета, которые, несмотря на усталость, с новыми силами запевали «Марсельезу». Эсеро-меньшевистские лидеры ЦИК имели все основания, чтобы с облегчением вздохнуть. Пришел конец оскорблениям и невыносимому напряжению, которым они подвергались весь день напролет со стороны восставших петроградских масс.

Причина столь неожиданной перемены настроения до этого нейтральных полков поздно ночью 4 июля вызывает споры ученых. Некоторые подчеркивают важную роль разоблачительных заявлений Переверзева перед представителями Петроградского гарнизона. Так, эсер Н. Арский вспоминал, что «весть о том, что большевистское восстание служит немецким целям, немедленно стало распространяться по казармам, всюду производя потрясающее впечатление. Ранее нейтральные полки постановили выступить для подавления мятежа»⁸⁴. Факт распространения документов о «германском шпионе» в полках до их прибытия к Таврическому дворцу некоторые мемуаристы, в том числе Войтинский и Церетели, игнорируют, подчеркивая, что документы были опубликованы только на следующий день. Многие исследователи считают, что ключевым фактором, давшим толчок активной поддержке Совету, была другая информация, также получившая широкое распространение вечером: о выступлении с Северного фронта верной Совету мощной смешанной группы войск, готовой восстановить в столице порядок.

Изучение соответствующих материалов позволяет предположить, что оба момента — документы Переверзева и известие об отправке лояльных войск — сыграли одинаково важную роль. Выше уже упоминалось, какое сильное воздействие оказали документы о «германском шпионе» на представителей Преображенского полка. По-видимому, их реакция была типичной, а после того как утром 5 июля газета «Живое слово» опубликовала эти материалы под броским заголовком «Ленин, Ганецкий и Козловский — немецкие шпионы», враждебность к большевикам приобрела всеобщий характер. Что же касается значения информации об отправке войск с фронта, теперь стало ясно, что Северный фронт поддерживает Совет, что ЦИК полон решимости подавить восстание и что скоро он будет обладать достаточными для этого силами. Церетели зафиксировал в своих «Воспоминаниях», что, по словам членов полковых комитетов Петроградского гарнизона, когда стало известно об этом, солдаты сами стали изъявлять желание немедленно отправиться к Таврическому дворцу ⁸⁵.

Был еще один фактор, вероятно способствовавший изменению обстановки,— нарастающая дезорганизация и кровавый характер демонстраций (по имеющимся данным, за два дня беспорядков было убито и ранено около 400 человек). Как бы то ни было, утром 5 июля ЦИК и командование Петроградского военного округа неожиданно получили в свое распоряжение группу войск, которая была достаточно внушительна и без посторонней помощи могла восстановить порядок в столице, тем более что к тому времени многие из вышедших на демонстрацию заводов и полков были совершенно деморализованы. В этой ситуации, не откладывая дела в долгий ящик, по вопросу о правительстве ЦИК принял резолюцию Гоца, выражавшую интересы большинства. Принятая в 4 часа утра 5 июля резолюция, в частности, гласила: «Обсудив кризис, созданный выходом из состава правительства трех министров-кадетов, объединенное собрание Исполнительных комитетов Советов... признает, что уход кадетов ни в коем случае не может считаться поводом для лишения правительства поддержки революционной демократии, но что вместе с тем уход этот дает демократии основание для пересмотра своего отношения к организации правительственной власти...

Ввиду этого собрание постановляет созвать через 2 недели полное собрание И. К. Рабочих, Крестьянских

и Солдатских Депутатов с представительством с мест для решения вопроса об организации новой власти...

Вместе с тем... заседание подтверждает, что до нового решения полных составов Исп. Ком. вся полнота власти должна остаться в руках теперешнего правительства, которое должно действовать последовательно, руководствуясь решениями Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского съезда крестьянских депутатов.

И если бы революционная демократия признала необходимым переход всей власти в руки Совета, только полному собранию Исполн. Комитетов может принадлежать решение этого вопроса»⁸⁶.

Ленин и крах июльского восстания

В одном из наиболее спорных мест своих записок о русской революции Суханов приводит разговор с А. В. Луначарским, который имел место уже после июльских событий. Во время него собеседник Суханова изложил некоторые из планов Ленина относительно июльского восстания. В частности, Луначарский якобы сообщил, что ночью 3 июля Ленин однозначно планировал совершить государственный переворот и что Ленин, Троцкий и Луначарский были заранее выбраны для занятия министерских постов в будущем большевистском правительстве. Взяв власть, оно намеревалось незамедлительно издать декреты о мире и земле, чтобы получить поддержку масс. В соответствии с версией Суханова эта договоренность была достигнута между Лениным, Троцким и Луначарским в то время, когда кронштадтские матросы направлялись от особняка Кшесинской к Таврическому дворцу. Луначарский якобы заявил, что переворот провалился только потому, что 176-й пехотный запасный полк, которому было суждено сыграть в нем главную роль, был перехвачен по дороге к Таврическому дворцу, а Ленин по необъяснимой причине опоздал к месту событий и не смог провозгласить создание нового правительства. Особо Суханов подчеркивает, что его разговор с Луначарским был записан именно так, как он его запомнил. Он признает, что некоторые заявления Луначарского выглядят неправдоподобными (например, он считает, что по логике вещей главной силой большевистского переворота должны были бы стать кронштадтские

матросы и что Троцкий лично не позволил им арестовать Чернова). Суханов допускает также, что он, а точнее — Луначарский мог все перепутать, и предлагает «трудолобивым историкам разобраться в этом вопросе»⁸⁷.

Поскольку соответствующие архивы закрыты, а опубликована лишь малая толика необходимых документов, пока эта цель недостижима для западных ученых, какими бы усердными они ни были. Со своей стороны, официальная советская трактовка описываемых событий отвергает возможность того, что Ленин мог даже думать о захвате власти в «мирный период» революции, который, по мнению советских ученых, завершился только после июльских дней, а сам Ленин ночью 3 июля не только не планировал переворот, но вообще находился за пределами Петрограда. «Рассказ о намерении захвата власти и о составлении большевистского министерства,— резюмирует О. А. Лидак,— это плод досужей фантазии г.Суханова»⁸⁸.

Несмотря на то что фактические ошибки и несуразности, безусловно, ставят под сомнение достоверность воспоминаний Суханова, а какие-либо иные подтверждения того факта, что Ленин стоял во главе неудавшегося переворота 4 июля, отсутствуют, вряд ли стоит сомневаться в правдивости заявления Калинина, что после возвращения в Петроград Ленин оставлял открытым вопрос, являются ли уличные шествия началом захвата власти или нет. Как уже говорилось, Ленин отрицал значение политических демонстраций, основываясь на опыте 10 июня, а не июльских дней. Таким образом, его колебания относительно захвата власти в конце июня — начале июля скорее всего были связаны с такими вопросами, как подготовка и выбор времени. Однако 4 июля выбор вариантов у РСДРП(б) неожиданно существенно сузился. Все надежды на то, что, уступив давлению масс и взяв власть, Совет поможет большевикам исправить их шаткое положение, рухнули после того, как ЦИК принял решительные меры по пресечению демонстраций. Фактически их выбор сводился к тому, чтобы в срочном порядке остановить демонстрации, надеясь избежать далее бесполезных потерь или продолжить их в надежде на создание условий для захвата власти. Оба пути были малопривлекательны, поскольку, с одной стороны, участие партии в восстании зашло настолько далеко, что Временное правительство, если ему было суждено вы-

жить, при первой возможности непременно предприняло бы против большевиков решительные меры. С другой стороны, несмотря на хорошие перспективы захвата власти днем 4 июля, нельзя было игнорировать тот факт, что такая попытка могла бы быть опровергнута менее радикально настроенными провинциями и, что гораздо более существенно, верными правительству войсками с фронта (те же факторы заставили Ленина пойти на попятную 10 июня) ⁸⁹.

Мы уже говорили о том, что после возвращения в Петроград утром 4 июля Ленин, очевидно, и не пытался остановить демонстрации. Если это означает, что он намеревался пойти по второму пути, что наиболее вероятно, то информация, начавшая поступать к нему к концу дня 4 июля, вряд ли могла вселять надежду на успех. Во-первых, появились первые сообщения о разоблачениях Переверзева. Днем 4 июля работник министерства юстиции Н. С. Каринский конфиденциально сообщил об этом В. Д. Бонч-Бруевичу, который незамедлительно поставил в известность Ленина. Однако тот, по свидетельству Бонч-Бруевича, уже об этом знал ⁹⁰. Столь серьезное отношение Ленина к начатой против него полуофициальной кампании говорит о том, что он совершенно правильно предугадал ее возможную роль в сложившейся обстановке.

Более того, примерно в то же время поступили достоверные сведения о переброске войск с фронта. Церетели пишет, что, как только появились эти слухи, Зиновьев попытался уточнить, действительно ли войска из районов боевых действий идут в столицу. Он получил подтверждение от меньшевика В. А. Анисимова сразу же после того, как руководство Совета дало добро на эту акцию ⁹¹.

С приближением ночи становилось ясно, какое воздействие эти факторы оказали на демонстрантов и на настроения ранее пассивных частей Петроградского гарнизона. Час принятия решений стремительно приближался и наступил так внезапно, что не оставил времени для оценки возможной реакции провинции на столичные события. Примерно в два или три часа ночи, без сомнения, до появления газеты «Живое слово» на улицах, но после прибытия Измайловского полка к Таврическому дворцу, на заседании ЦК было принято решение призвать солдат вернуться в казармы и прекратить уличные выступления ⁹². Оно было ненавязчиво обнародовано

5 июля на последней странице «Правды», окончательная верстка которой происходила при личном участии Ленина. В нем говорилось, что демонстрации решено прекратить, «цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и армии показаны внушительно и достойно».

К сожалению, протокол заседания ЦК, на котором демонстрации были отменены, не опубликован. К. А. Мехоношин, представлявший на этой встрече Военную организацию, приводит достаточно интересное, хотя и фрагментарное описание дебатов по этому вопросу:

«Июльские события 1917 года уже развернулись... Временное правительство готовилось к разгрому революционных организаций. Город напоминал военный лагерь двух борющихся сторон... Наступил переломный момент. Надо было решать — идем ли мы дальше или закрепляемся на занятой позиции.

В этот день мне пришлось быть в качестве представителя Военной организации на заседании ЦК. Владимир Ильич обратился к нам:

— «Дайте точный подсчет сил. Назовите части, которые безусловно пойдут с нами. Какие колеблются? Кто против нас? Где склады оружия и боевых припасов? Чем располагает противная сторона в ближайших к Питеру районах? Где сосредоточено продовольствие и в достаточном ли количестве? Обеспечено ли охранение мостов через Неву? Подготовлен ли тыл для отступления в случае возможной неудачи? и т. д.» — вот главные вопросы, которые были заданы тов. Лениным и которые сразу привели нас в трезвое состояние. Кстати сказать, мы сами такого подсчета, под знаком возможного уже тогда решительного столкновения, не делали, ограничиваясь общим учетом положения»⁹³.

Трудно сказать, выступал ли Мехоношин против решения ЦК о прекращении демонстраций, хотя мы и располагаем по крайней мере еще одним свидетельством того, что в тот момент Военная организация сохраняла свою левацкую ориентацию. В «Солдатской правде» от 5 июля нет ни единого упоминания о решении ЦК прервать демонстрацию. Напротив, передовая под заголовком «Что происходит на улицах?» заканчивалась заявлением, что партия пролетариата возглавила массовое движение и до победного конца будет продолжать борьбу за передачу власти Советам. Если Военная организация и отставала от ЦК в осознании необходимости

отступления, в последующий период реакции ее слабость в сложившейся ситуации стала очевидной даже для ее наиболее радикальных лидеров.

Примечания

¹ См.: Речь. 1917. 5 июля; Новая жизнь. 1917. 6 июля.

² Воля народа. 1917. 5 июля.

³ См.: *Миронов Т. Г.* Борьба большевиков за Петроградский гарнизон в период двоевластия 1917 года. С. 238; Биржевые ведомости. 1917. 5 июля. Утренний выпуск.

⁴ См.: *Невский В. И.* Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 39—40.

⁵ В этой связи представляется важным следующий отрывок выступления Подвойского на 2-й Общегородской конференции: «На 4 июля в ночь настроение в полках было, безусловно, подавленное, в то время как настроение среди рабочих и не вышедших накануне полков поднялось. ...До двенадцати, до часу Военная организация не могла дать ответа на вопрос, скоро ли выйдут полки» (*Елов Б.* После июльских событий // КЛ. 1923. № 7. С. 101).

⁶ Павловский и Финляндский полки, например, отказались участвовать в демонстрации 4 июля.

⁷ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193.

⁸ См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 243.

⁹ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 194.

¹⁰ Поздно вечером 3 июля Переверзев впервые предложил попытаться дискредитировать большевиков немедленной публикацией имевшихся в распоряжении правительства документов, якобы свидетельствующих о том, что большевики работают на немцев.

¹¹ *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 243; см. также: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193.

¹² *Владимирова В.* Революция 1917 года: хроника событий. Т. 3. С. 140.

¹³ *Владимирова В.* Июльские дни 1917 года // ПР. 1923. № 5(17). С. 12; *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917 год. С. 206—208.

¹⁴ Там же; *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 317—318. Не вызывает сомнения, что в тот период Северный фронт безоговорочно поддерживал ВЦИК.

¹⁵ *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914—1919 гг. Берлин, 1920. С. 184—185.

¹⁶ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 208. Временное правительство отдало свой первый приказ об отправке войск поздно вечером 3 июля, однако, по утверждению Церетели, комитет 5-й армии задержал их отправку в ожидании подтверждения этого приказа Советом.

¹⁷ *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М., 1931. С. 72.

¹⁸ Биржевые ведомости. 1917. 7 июля. Вечерний выпуск.

¹⁹ *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах... С. 73.

²⁰ См.: *Савельев М.* Ленин в июльские дни // Правда. 1930. 17 июля.

²¹ Известия. 1917. 5 июля.

²² См.: *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 120.

²³ Оценки численности кронштадтцев, прибывших в Петроград 4 июля, колеблются от 10 до 30 тысяч человек (Известия. 1917. 5 июля). Необходимо отметить, что в Кронштадте демонстрации пользовались поддержкой анархистов-синдикалистов-коммунистов, большевиков, в меньшей степени — левых эсеров и некоторых беспартийных.

²⁴ См.: *Лурье М. Л.* Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // КЛ. 1932. № 3(48). С. 96.

²⁵ Там же. С. 96—97; *Новая жизнь.* 1917. 5 июля; *Флеровский И. П.* Предметный урок // Правда. 1922. 16 июля.

²⁶ А. М. Любович и И. П. Флеровский — кронштадтские большевики. Оба они провели ночь в Петрограде. Судя по их воспоминаниям, Флеровский в основном — в Таврическом дворце (оттуда он информировал Кронштадт о резолюции, принятой рабочей секцией), а Любович поддерживал связь с Военной организацией в особняке Кшесинской.

²⁷ Такое объяснение было предложено лидерам — нечленам партии большевиков, которые протестовали против подобных изменений (см. критические замечания анархиста Ярчука и левого эсера Смолянского в «Известиях Кронштадтского Совета» 7 июля 1917 г., а также 14 июля).

²⁸ *Колбин И. Н.* Кронштадт от февраля до корниловских дней // КЛ. 1927. № 2(23). С. 149.

²⁹ *Новая жизнь.* 1917. 5 июля.

³⁰ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7(54). С. 77.

³¹ *Биржевые ведомости.* 1917. 5 июля. Утренний выпуск; *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 123.

³² Комментируя этот эпизод в Кронштадтском Совете после июльских событий, левый эсер А. Баранов считал странным, что «люди, которые возмущаются, что другие носят портреты Керенского, сами ведут нас под благословение Ленина» (Известия Кронштадтского Совета. 1917. 14 июля).

³³ *Подвойский Н. И.* Год 1917. С. 62.

³⁴ *Биржевые ведомости.* 1917. 5 июля. Утренний выпуск.

³⁵ См.: *Калинин М. И.* Владимир Ильич о движении // Красная газета. 1920. 16 июля.

³⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 24.— *Ред.*

³⁷ *Любович А. М.* 3—5 июля // Ленинградская правда. 1925. 16 июля.

³⁸ См.: *Луначарский А. В.* Из воспоминаний об июльских днях 1917 г. // Петроградская правда. 1922. 16 июля.

³⁹ При подготовке этих материалов были использованы сообщения из «Речи», «Известий», «Новой жизни».

⁴⁰ *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 443—444.

⁴¹ См.: Путиловцы в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода /Под ред. С. Б. Окуня. М.; Л., 1933. С. 355.

⁴² Известия. 1917. 5 июля.

⁴³ В некоторых столкновениях 4 июля участвовали военные патрули, состоявшие главным образом из казаков и юнкеров. Они действовали по приказу Половцева об аресте и разоружении восставших солдат и рабочих. Как и накануне вечером, в них также принимали участие возмущенные граждане и правые организации (см.: *Знаменский О. Н.* Июльский кризис 1917 года. С. 66—67).

⁴⁴ *Раскольников Ф. Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. С. 124.

⁴⁵ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7(54). С. 78.

⁴⁶ См.: *Ярчук Х.* Кронштадт в русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 13.

⁴⁷ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7 июля.

⁴⁸ *Лурье М. Л.* Кронштадтские моряки в июльском выступлении 1917 года // КЛ. 1932. № 3(48). С. 98.

⁴⁹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 14 июля.

⁵⁰ *Флеровский И. П.* Июльский политический урок // ПР. 1926. № 7(54). С. 79.

⁵¹ Отсутствие единства среди кронштадтских лидеров нашло яркое отражение в горячих дискуссиях по поводу демонстраций, состоявшихся после июльских дней в Кронштадтском Совете (см.: Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7—18 июля. Все выпуски).

⁵² На следующий день левый эсер Г. Смолянский заявил в своем выступлении на заседании Кронштадтского Совета: «Наша задача была пойти к Таврическому дворцу и передать наши требования... Мы хотели толкнуть его [Совет] взять власть. Когда наш протест не был принят во внимание, мы не сочли возможным оставаться» (там же. 7 июля).

⁵³ Х. Ярчук пишет: «Организация анархистов-синдикалистов-коммунистов считала, что вооруженная демонстрация перейдет в восстание; власти, таким образом, будет нанесен решительный, мощный удар, после которого она уже больше не сможет оправиться; Советы же рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах доведут ее в дальнейшем процессе борьбы до полного уничтожения» (см.: Кронштадт в русской революции. С. 11).

⁵⁴ По утверждению Н. Н. Суханова, в то время Ф. Ф. Раскольников имел полномочия для роспуска ВЦИК «при благоприятных обстоятельствах» (см.: Записки о революции. Т. 4. С. 426—427). Хотя такую возможность не следует исключать полностью, но скорее всего настолько важное решение во все времена могло оставаться только за ЦК РСДРП(б). По-видимому, именно это имеется в виду в следующем отрывке из воспоминаний В. И. Невского: «События развивались так быстро, что каждая минута нерешительности была поражением: Военная организация, боевыми действиями которой по решению бюро управляли Подвойский и Мехоношин, исполняла приказание ЦК, а директива ЦК была таковой, что доводить дело до конца и пускать в ход силы нельзя. Поэтому со стороны большевистских масс проявлена нерешительность» // Красноармеец. 1919. № 10—15. С. 40.

⁵⁵ Известия. 1917. 5 июля.

⁵⁶ *Ильин-Женевский А. Ф.* Арест В. Чернова в июльские дни 1917 года // КЛ. 1926. № 6(21). С. 70.

⁵⁷ См.: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 244.

⁵⁸ *Колбин И. Н.* Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал: моряки Балтийского флота в 1917 г./ Под ред. П. Ф. Куделли и И. В. Егорова. Л., 1927. С. 41.

⁵⁹ *Ильин-Женевский А. Ф.* Арест В. Чернова в июльские дни 1917 г. // КЛ. 1926. № 6(21). С. 70.

⁶⁰ *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 445; см. также: *Покровский М.* Гражданин Чернов в июльские дни // Правда. 1922. 16 июля.

⁶¹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 13 июля.

⁶² *Sukhanov N. N.* The Russian Revolution. Vol. 2. P. 446—447.

⁶³ *Radkey O. H.* The Agrarian Foes of Bolshevism. P. 284.

⁶⁴ См. настоящее издание. С. 82.

⁶⁵ *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 318.

⁶⁶ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. С. 122.

⁶⁷ Там же. С. 123. Председателем Центробалта в то время был большевик П. Дыбенко.

⁶⁸ Там же. С. 346.

⁶⁹ Морское министерство Керенского в июльские дни // Петроградская правда. 1921. 17 июля.

⁷⁰ *Половцев П. А.* Дни затмения. С. 125.

⁷¹ *Лидак О. А.* Июльские события 1917 г. // Очерки по истории Октябрьской революции / Под ред. М. Н. Покровского: В 2 т. М.; Л., 1927. Т. 2. С. 331.

⁷² Эти телеграммы переведены Б. В. Никитиным (*The Fatal Years*. London: William Hodge, 1938. P. 119—122). Связь между революционной деятельностью Ленина и усилиями германского правительства по подрыву Временного правительства и военной мощи России представляет собой один из наиболее противоречивых моментов революционного периода. В некоторых из захваченных документов германского МИДа имеются подтверждения тому, что большевики получали от немцев финансовую поддержку. Одно из самых убедительных свидетельств — письмо министра иностранных дел Германии Кульмана, направленное кайзеру 3 декабря 1917 г., в котором утверждается, что «только когда большевики начали получать от нас финансовые средства на постоянной основе через различные каналы и под разными предлогами», им удалось наладить свою пропагандистскую работу (см.: *Zeman Z. A.-B.* (ed.). *Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry*. London: Oxford University Press, 1958. P. 94—95). В настоящее время факт получения большевиками значительных сумм от германского правительства летом 1917 г. представляется доказанным. Однако в обширной литературе по данному вопросу не просматривается веских доказательств того, что немцы каким-либо образом направляли или хотя бы воздействовали на курс или тактику Ленина.

⁷³ См. письмо Переверзева редактору «Биржевых ведомостей» от 9 июля 1917 г. Вечерний выпуск.

⁷⁴ См.: *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 198.

⁷⁵ *Лацис М. И.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1923. № 5(17). С. 113.

⁷⁶ Известия. 1917. 6 июля.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ *Войтинский В. С.* Годы побед и поражений. 1917. С. 193.

⁸⁰ Известия. 1917. 6 июля.

⁸¹ Известия Кронштадтского Совета. 1917. 7, 13 июля. Покинув Таврический дворец, некоторые матросы в сопровождении лидеров меньшевиков и эсеров вернулись на свои суда и отплыли в Кронштадт. Большинство, однако, осталось в Петрограде на ночь. По заявлению Ярчука, цель этой задержки заключалась в том, чтобы усилить и продлить демонстрации // Кронштадт в русской революции. С. 13.

⁸² *Подвойский Н. И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и военно-революционный комитет 1917 // КЛ. 1923. № 6. С. 80.

⁸³ *Sukhanov N. N.* *The Russian Revolution*. Vol. 2. P. 455.

⁸⁴ *Арский Н.* Трагикомедия 3-го июля // Пережитое. М., 1918. С. 43; см. также: *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. С. 246; *Шляпников А. Г.* Июльские дни в Петрограде // ПР. 1926. № 4(51). С. 84.

⁸⁵ См.: *Церетели И. Г.* Воспоминания... Т. 2. С. 330.

⁸⁶ Известия. 1917. 7 июля.

⁸⁷ *Sukhanov N. N. The Russian Revolution. Vol. 2. P. 479—482.* Луначарский, занимавший в то время пост народного комиссара просвещения, опроверг эту версию Суханова в письме от 30 марта 1920 г.: «Очевидно, Николай Николаевич, Вы впали в глубокое заблуждение... Конечно, ни т. Ленину, ни т. Троцкому, ни тем более мне не приходило в голову сговариваться о захвате власти, никакого даже намека отдельного на что-то вроде триумvirата не было... Конечно, мы не скрывали от себя, что, если бы меньшевистский с.-р. совет захватил власть, она скоро соскользнула бы к более левым и решительным революционным группам.

Поводом к Вашему заблуждению явился, вероятно, мой рассказ Вам о том, что в решительную минуту июльских событий я, разговаривая с т. Троцким, сказал ему, что считал бы бедствием и вступлением в неизбежное поражение, если бы власть оказалась тотчас же в наших руках, на что т. Троцкий, который всегда был гораздо более меня решителен и уверен в победе, отвечал мне, что, по его мнению, это вовсе не было бы так плохо, что массы конечно поддержали бы нас».

⁸⁸ *Лидак О. А. Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 331.*

⁸⁹ См.: *Раскольников Ф. Ф. Вооруженное восстание или вооруженная демонстрация? // Правда. 1927. 27 июля.*

⁹⁰ См.: *Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. С. 83—86.*

⁹¹ См.: *Церетели И. Г. Воспоминания... Т. 2. С. 329.*

⁹² *Лидак О. А. Июльские события 1917 года // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 2. С. 297.*

⁹³ *Мехоношин К. Из воспоминаний о тов. Ленине // Политработник. 1924. № 2—3. С. 7.*